

РОСІЙСЬКА МОВА ТА ЛІТЕРАТУРА

Климова Е.В.

студентка,

Харьковский национальный университет

имени В.Н. Каразина

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ И ВАРЬИРОВАНИЕ НОМИНАЦИЙ РАВНИННОЙ МЕСТНОСТИ В СОБРАНИИ НАРОДНЫХ ПЕСЕН П.В. КИРЕЕВСКОГО

Одним из перспективных направлений современной фольклористики является изучение языка фольклора в аспекте его миромоделирующей функции, что позволяет реконструировать особенности фольклорного сознания.

Природа фольклорного произведения такова, что в ней «все подчинено описанию эмоционального мира человека» [7, с. 150]. Слово в фольклорном тексте не тождественно слову в обыденной речи и слову в художественной литературе, поскольку имеет особое фольклорное значение, включающее, помимо денотативной составляющей, сигнификативную часть: символический и коннотативный компоненты [6, с. 8–12], обусловленные всей системой фольклорного мировосприятия.

Цель настоящей статьи – исследование лексико-семантической группы «наименования равнинной местности» в аспектах контекстуальной синонимии и варьирования на материале собрания народных песен П. В. Киреевского.

В рассмотренных нами текстах народной поэзии исследуемая ЛСГ представлена следующими лексемами:

- наиболее частотные: *поле, луг, долина, степь*;
- менее частотные: *пашня, поляна, дол*;
- единичные: *нива, межа, равнина, лощина, прилуки*.

Самым частотным топонимом является *поле*. Данная лексема имеет двоякую семантику: ‘безлесная равнина’ (невозделанная) и ‘засеянный или возделанный под посев участок земли’ [5, т. 3,

с. 256]. Выявленные в песнях группы образов и ситуаций, связанных с полем, соотносятся с двумя указанными ипостасями понятия: «**В чистом поле** гуляла, / Бел лён рассевала» [3, т. 1, с. 49] – корреляция со значением возделанного поля; «Пропадет моя головушка за безделицу. / Отвезут мое тело белое в чистое поле, / Растерзают мое тело белое звери лютыя...» [3, т. 2, с. 170] – актуализация значения дикого поля, некультуренного равнинного ландшафта. Такая амбивалентность соответствует организации зон мифопоэтического пространства, в котором поле является промежуточным звеном между домом и лесом, «своим» и «чужим» пространством [4, т. 4, с. 134–135; 2, с. 175]. Сближение с одним из членов оппозиции зависит от освоенности/неосвоенности поля и его роли в жизни человека.

В группе смыслов, коррелирующих со «своим» пространством, выделяется значение поля как места сельскохозяйственных работ: «Наша Хима, вот и Хима, / **Она по полю** ходила / Да все пшеничку полола» [3, т. 1, с. 131]. Данное значение является основным для топонимов *пашня* и *нива* [5, т. 3, с. 36; 5, т. 2, с. 495]: «Парашенька пашеньку пахала, / Широкие борозды метала, / Белую капустку садила» [3, т. 1, с. 87]; «Козел по полю летает, / Он мякину выедает, / ... Я ухвачу козла за гриву, / Перекину через ниву» [3, т. 1, с. 268]. Таким образом, значение лексем *пашня* и *нива* синонимично значению *поля* как обрабатываемой земли.

Другим видом «своего» пространства, значимого для хозяйства, является пастбище: «Как у нашего купца / Много было богатства: / Полтораста коров, девяносто быков. / **В поле** идут – насилу ноги несут, / **С поля** идут – насилу шкуру несут» [3, т. 1, с. 123]. Данное значение характерно и для топонима *луг*, нередко соединяемого с топонимом *долина*: «...я пайду на ту я долинку, / На зеленую луговинку, / Где скотинку пас» [3, т. 2, с. 120]. В данном примере *долинка* и *луговинка* являются контекстуальными синонимами.

Семиотически маркированный локус поля включается в градацию топонимов по признаку близости к дому. «На третий год сын домой пришёл. / Устрела мать среди поля, / Сестра встрела среди двора, / Жена встрела, сенцы отперла» [3, т. 2, с. 55]; «На третий год [молодец] ко двору пришел. / Жена

*встретила его **среди** луга, / А мать встретила супротив крыльца*» [3, т. 1, с. 81]. В данном случае наблюдаем варианты песни, где лексемы *поле* и *луг* выступают как эквивалентные номинации удаленного пространства, локализованного дальше сеней, крыльца и двора. Указанная корреляция соответствует понятию вариантов фольклорного произведения как различных путей реализации единого замысла [1, с. 53].

Слова *поле* и *луг* также объединяет сема 'открытое пространство', что позволяет им функционировать в сходных контекстах: «*Пойду с горя **ва чистое поле**, / Гляну я, млада, по всем сторонам*» [3, т. 2, с. 125]; «*Сяду, сяду, младешинька, / **На зиленаем лужку**. / Пагляжу я, младешинька, / На все стороны даляко*» [3, т. 1, с. 259].

Как удаленное от дома пространство, поле может быть местом уединения и молитвы: «*Ты пади, чилавечи, **ва чисто поли**, / Ты молись, чилавечи, самаму Христу*» [3, т. 2, с. 23]. Локусом, традиционно связанным с небом и Богом, является *гора* [4, т. 1, с. 520], однако *поле* способно выступать функциональным эквивалентом: «*Пошел убогий брат, слезно заплакал. / И узшел убогий **на крутую гору**, / И воскрикнул убогий громким голосом: / – О господи, господи, Спас милостивый! / Услышь ты, господи, молитву мою, / Молитву мою неправедную*» [3, т. 1, с. 134]; «*Пошел и заплакал [убогий Лазарь], вышел **в чистое поле**, / Юдарился об мать – сыру землю: / – Госпади, госпади, Спас милосливый, / Услыши, госпади, молитву неправиднаю...*» [3, т. 1, с. 180–181].

В значении большого пространства номинации равнинных ландшафтов могут синонимизироваться и с семантически несходными словами: «*Солнушко восхожее! / Высоко восходило, / Далеко осветило / **Через лес, через поле, / Через синее море***» [3, т. 1, с. 63]; «*Ты взайди-ка-ся, взайди, красная солнушка, / **Над долиною над широкаю, / Над гарою над високаю, / Над дубравою над зиленаю!***» [3, т. 1, с. 259]. Так, контекстуальными синонимами слова *поле* становятся лексемы *лес* и *море*, слова *долина* – лексемы *гора* и *дубрава*.

Поле как неокультуренное пространство имеет свой ряд эквивалентов: «*Заросла моя деревня полями и долами, / И крутыми берегами*» [3, т. 2, с. 195]. Очевидно, что в данном случае слова

теряют свойственную обыденной речи лексическую определенность [7, с. 153] и служат для создания единого образа «чужого» пространства. «*Легай, легай, зайка, по чистому полю...! / По чисту полю, по зелёной дуброве...! / Ты зачем середь двора появился...?*» [3, т. 2, с. 197] – оппозиция «человеческий–нечеловеческий (звериный)» коррелирует с оппозицией «свой–чужой» [2, с. 159], потому *поле* как место обитания диких животных противопоставляется *дому* и *двору*, сближаясь с *лесом*, *дубровой*.

Лексеме *степь* не присуще значение окультуренности [5, т. 4, с. 262], потому она стабильно соотносится с небезопасным, «чужим» пространством, средой обитания опасных зверей и местом смерти человека: «*О вы, ой еси, волки прыскучие, / Разойдитеса, разбжитиса / ... По глухим степям, по темным лесам*» [3, т. 2, с. 19] (наблюдаются синонимизация с лексемой *лес* и дополнительное выделение значения чуждости и опасности эпитетами *глухие* и *темные*); «*Что лежит убит добрый молодец / На дикой степи, на Саратовской*» [3, т. 1, с. 144] (значение неосвоенности, враждебности человеку выражено эпитетом *дикая*). В некоторых контекстах слово *степь* синонимизируется с лексемой *поле*: «*Ох ты, поле, поле чистое, степь Саратowska! / Ничего ты, поле, не породило: / Ни травоньки, ни муравоньки, ни лазоревых цветов. / Только породило сыр зелен дуб. / На дубу-то сидит птица вещая – млад сизой орел, / ... А под дубом-то лежит тело белое, / Тело белое, молодецкое*» [3, т. 2, с. 193]. Очевидно, что в данном случае *поле* выступает в ипостаси неокультуренного, «чужого» пространства и приобретает негативную оценочность.

Поскольку фольклорное слово нередко обозначает одновременно и видовое, и родовое понятия [7, с. 148–149], несколько конкретных топонимов могут выражать значение обобщенного локуса. Вне фольклорной картины мира подобные контексты воспринимаются как алогичные: «*Во поле березонька стояла, / Во поле кудрявая стояла, / Некому березы заломати... / Пойду я в лес погуляю, / Белую березу заломаю*» [3, т. 2, с. 145]; «*В темном лесе, лесе при долине, / При широком лужечке / Месяц светит, солнце греет, / Прилетал мой голубчик...*» [3, т. 2, с. 76]. Наиболее частотной является формула «*В чистом поле при долине*» [3, т. 1, с. 146, 243, 250, 261, 271; 3, т. 2, с. 176], также

встречаются «*При долине во лужку*» [3, т. 1, с. 91], «*При долине, при лощине*» [3, т. 2, с. 166], «*При поль-при поляне, / На высоком кургане*» [3, т. 1, с. 51]. В данных контекстах наблюдается деактуализация денотативной составляющей значения при актуализации коннотативного и оценочного компонентов.

Таким образом, связи между словами ЛСГ «наименования равнинной местности» существуют в двух формах: контекстуальной синонимии в одном тексте и функционального тождества в различных вариантах одной песни или в различных песнях. Данные явления коррелируют с особыми свойствами слова в фольклорном тексте.

Список использованных источников:

1. Аникин В. П. Теория фольклора. Курс лекций. М.: КДУ, 2007. 432 с.
2. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М.: Наука, 1965. 246 с.
3. Киреевский П. В. Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина: в 2 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. З. И. Власовой. Л.: Наука, ЛО, 1983–1986. Т. 1. 1983. 342 с. Т. 2. 1986. 326 с.
4. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Гл. ред. Н. И. Толстой. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1: А–Г. 1995. 584 с. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). 2009. 656 с.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 2: К–О. 1986. 736 с. Т. 3: П–Р. 1987. 752 с. Т. 4: С–Я. 1988. 800 с.
6. Тубалова И. В., Эмер Ю. А. Язык фольклора: Учебно-методическое пособие. Томск: Издание ТГУ, 2005. 72 с.
7. Хроленко А. Т. Семантическая структура фольклорного слова. *Русский фольклор. Вопросы теории фольклора / Отв. ред. А. А. Горелов.* Вып. 19. Л.: Наука, ЛО, 1979. С. 147–156.